

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ

УДК 902(470.41)

ПОЛЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ТАТАРСТАНА В 1946–2008 гг.

И.А. Сорокина

Аннотация

Автором проведен анализ данных по некоторым показателям, характеризующим полевою археологию Татарстана в период 1946–2008 гг. Основным инструментом исследования послужила информационно-поисковая система «@Археология», установленная в Отделе полевых исследований Института археологии РАН. Сделаны выводы о структуре и динамике развития этой отрасли археологии, о факторах, сыгравших большую роль в становлении татарстанского регионального центра полевой археологии.

Ключевые слова: полевая археология, открытый лист, информационно-поисковая система, статистический анализ данных, региональные организации, региональный центр, мониторинг памятников.

Полевая археология – особый раздел археологической науки. Предметом его является создание источниковедческой базы, то есть собственно раскопки и разведки археологических памятников (полевые исследования), в результате которых и появляются как находки древних вещей, так и данные о быте и культуре племен и народов. В Отделе полевых исследований (ОПИ) Института археологии РАН хранятся документы, содержащие данные о раскопках и разведках, проводимых на всей территории России с 1946 г., дающие комплексную картину полевой археологии послевоенного периода. Это рукописные книги регистрации выдачи открытых листов на полевые работы (далее ОЛ)¹ и представленных научных отчетов о результатах этих работ, картотеки археологов и учреждений, подававших заявки на получение ОЛ, сами заявки и т. д. Однообразность и краткость записей в учетных книгах и картотеках не мешает получить массу информации о характере и географии исследований, их видах, организациях, их проводивших, и о многом другом. Объем этого информационного массива огромен². Для обеспечения практической деятельности ОПИ и хранения

¹ Документ, дающий право на проведение полевых исследований на территории России. Введен в 1889 г. указом императора Александра III, благодаря чему Россия стала первой в мире страной, наладившей в государственном масштабе учет всех полевых работ и контроль их качества. ОЛ выдается по заявкам профильных организаций на имя конкретного археолога. С 1946 г. этим процессом ведают ОПИ ИА РАН. Информация о довоенных и более ранних ОЛ хранится в ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург).

² В 1946 г. было выдано на всю Россию всего 79 ОЛ, в 2008 г. – 1664.

информации необходима мощная информационно-поисковая система (ИПС). Работа над ней велась автором с 1999 г. совместно с коллективом сотрудников ОПИ. В результате в 2003 г. появилась ИПС «@Археология», работающая в тестовом режиме [1, с. 69–81]¹. Она позволяет провести статистический анализ данных по полевой археологии России в целом и ее отдельных регионов. Это и было сделано для изучения структуры и динамики развития полевой археологии Татарстана.

Организация археологической экспедиции для проведения полевых работ требует значительных материальных ресурсов и правового обеспечения. Возможности исследования памятника археологии напрямую зависят от земельных отношений (поскольку сам памятник находится в земле), государственных юридических норм и финансовых отношений, задач и перспектив развития общества. Соответственно, очень важно проследить динамику полевой археологии на общем историческом фоне развития государства. Период 1946–2008 гг. охватывает несколько этапов развития России, выделяемых по критериям политического, экономического и социального характера². Деление на такие этапы в настоящий момент является общепринятым и отражено в учебниках средней и высшей школы и в специальной литературе, поэтому использовано и нами.

Татарстан входит в группу наиболее исследованных в археологическом отношении регионов РСФСР с 1946 по 1991 г. (рис. 1)³. В 1993–2003 гг. далеко не все археологи Татарстана запрашивали ОЛ в ИА РАН. Их выдавал в то время Институт истории АН Татарстана. Надо сказать, что такое положение сложилось не только здесь. В 1993 г. с принятием новой Конституции РФ регионы обретают самостоятельность и собственную систему управления. В связи с изменением политической ситуации и административной структуры (в том числе и в области организации науки) ОЛ в ОПИ некоторое время не запрашивали также республики Горный Алтай и Саха (Якутия). Соответственно, о степени активности организаций и археологов этих регионов после 1993 г. по данным, имеющимся в Москве, нельзя судить в полной мере. Невозможность сравнения сильно понижает некогда высокий рейтинг Татарстана, но пока, до поступления полной информации в ОПИ, мы вынужденно фиксируем то место, которое он занимает сейчас (рис. 1, e).

Уровень археологических исследований в регионе определяется не столько количеством археологических памятников, сколько активностью регионального археологического центра⁴. В Татарстане он возник еще в 1950-е годы, раньше, чем в подавляющем большинстве регионов России. Основные направления полевых работ, способствовавшие его развитию, были заложены уже в 1940-е годы и во многом определили его специфику. Средняя доля Татарстана в полевых

¹ Программное обеспечение выполнено ООО «Инфор Текнолоджи», имеющим лицензию на создание информационных систем и комплексов телекоммуникаций для органов государственной власти РФ и привлекающим спонсорские средства. Сейчас в систему введено свыше 82000 записей.

² Послевоенное восстановление (1946–1953 гг.); «оттепель» (1954–1964 гг.); «период застоя» (1965–1984 гг.); «перестройка» (1985–1991 гг.); период существования суверенной Российской Федерации (с 1992 г.).

³ На рис. 1 и далее учитываются все полевые исследования, проведенные в республике археологами как из Татарстана, так и из других регионов РФ.

⁴ Имеется в виду не конкретная организация, а в целом наличие собственных учебных и научных учреждений археологической направленности и активных специалистов-археологов, ведущих полевые работы.

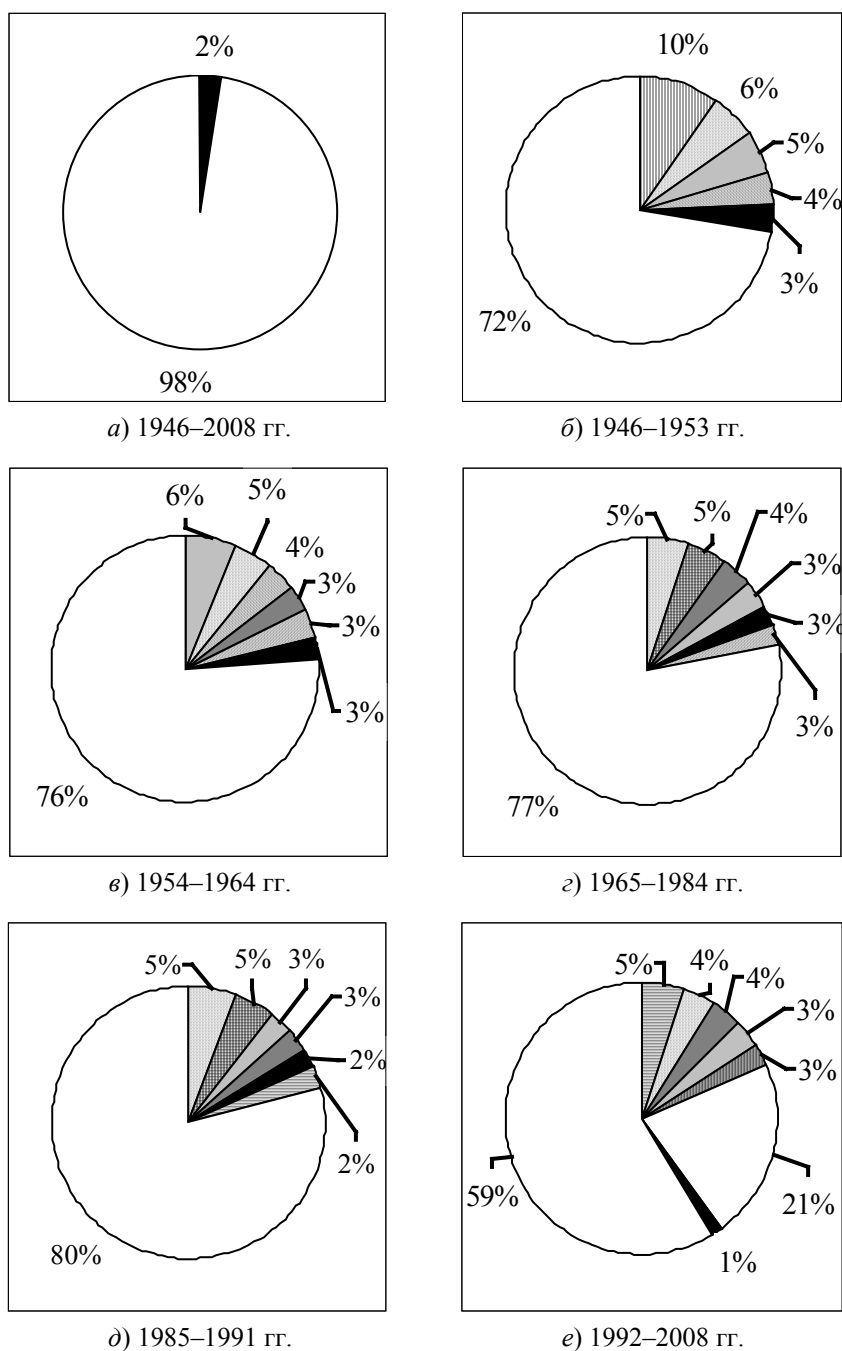

Рис. 1. Доля республики Татарстан в общем количестве полевых исследований в России:

- – Татарстан, □ – Крымская обл., □ – Московская обл.,
- ▨ – Пермская обл., ▨ – Ростовская обл., ▨ – Башкортостан,
- ▤ – Тверская обл., ▤ – Краснодарский край,
- ▥ – Красноярский край, ▥ – Ханты-Мансийский АО

исследованиях послевоенного периода в РСФСР составляет 2% (рис. 1, *a*) – совсем не мало, если учесть, что доля иных областей, национальных республик и округов не превышает десятой процента. В 1946–1953 гг. в большинстве регионов полевые работы не проводились вообще, 55% из тех, где они все-таки имели место, изучались крайне слабо – запрашивалось не более 1 ОЛ в год [1, с. 127, 213]. На таком фоне активность пяти регионов-лидеров (в том числе Татарстана) выглядит впечатляюще (рис. 1, *b*). Побудительные мотивы ее различны. Например, в Краснодарском крае высокая интенсивность полевых изысканий определялась традиционным еще с XVIII века интересом к античным и скифским памятникам. Однако его высокий рейтинг долго обеспечивался только работой учреждений Москвы и Санкт-Петербурга, собственный региональный центр сформировался лишь в 80-е годы XX в.

В поволжских регионах складывается иная модель формирования региональных центров. Большую роль изначально играют региональные организации¹: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФ АН СССР (1946 г.), Марийский ИЯЛИ (1951 г.), Государственный музей ТАССР (1952 г.), Пермский ГУ (1953 г.), ИЯЛИ Башкирского филиала АН СССР (1953 г.), НИИ при Совете Министров УАССР и Удмуртский республиканский музей (1954 г.). Они организуют сплошное обследование территории для составления археологических карт. С 1945 г. такая работа проводилась в Татарстане силами экспедиции ИЯЛИ под руководством Н.Ф. Калинина [2, с. 3, 8; 3, с. 68]. Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» предполагало проведение инвентаризации памятников археологии, что очень способствовало интенсификации разведок, в том числе и в Татарстане.

Второй фактор, во многом определивший процесс формирования региональных центров Поволжья, – строительство волжских и камских ГЭС, требовавшее от археологов огромных трудозатрат на срочное исследование памятников в зонах затопления. Создаются многолетние экспедиции ИА АН СССР: Куйбышевская (1938–1940 гг., 1950–1955 гг.) и Камская (1947–1959 гг.). Осуществляется комплексная программа исследований, в которых заняты специалисты разных направлений из центральных и региональных учреждений [3, с. 116–118]. Эти работы имели огромное значение для развития полевой археологии Поволжья и Прикамья [4, с. 72–73; 5, с. 111–125]. Следствием их стало возникновение сильных и многочисленных коллективов региональных археологов, научных и полевых школ.

Со второй половины 50-х годов прошлого столетия в Татарстане намечается новое направление полевых работ (к сожалению, очень актуальное до сих пор) – охранные мероприятия² по берегам действующих водохранилищ [6, с. 7; 7, с. 7]. В результате колебаний береговой линии памятники археологии разрушаются катастрофически быстро. Необходимы постоянные разведки и раскопки в зонах размыва. В основном (если только это не место нового строительства) эти

¹ Названия неоднократно менялись, но статус, а иногда и адрес, часто оставался прежним. Для обеспечения сквозного поиска информации в ИПС введено последнее название. В скобках указан год получения организацией первого ОЛ.

² Комплекс мер, предусмотренных действующим законодательством и направленных на спасение археологического наследия посредством выявления разрушающихся памятников и срочных раскопок (для получения археологического материала и информации, исчезающей вместе с памятником).

работы проводятся на собственные средства бюджетных организаций, поэтому объем их явно недостаточен. Все послевоенные годы археологи разных регионов России проводят мониторинг археологических объектов в зонах водохранилищ, раскапывают разрушаемые береговой линией памятники. Особенно активны в этом отношении Татарстан, Иркутская область, Краснодарский и Красноярский края.

В 1953 г. возникло еще одно направление полевых изысканий в Татарстане – архитектурная археология¹. Научно-реставрационные мастерские Казани получили ОЛ на работы в Казанском Кремле (на имя О.С. Хованской), потом продолжали подобные работы с 1971 по 1981 гг. (Л.С. Шавохин). Часто своих реставрационных учреждений в регионах нет. Важно, что в Татарстане и архитектурная археология с самого начала обеспечивалась регионом. Связаны с ней и археологические работы в зонах разрушения остатков древних городов современной застройкой. В 1954 г. первый ОЛ на раскопки в городе Казани получил Н.Ф. Калинин. Там же с 1976 по 1991 гг. вел раскопки А.Х. Халиков. В настоящее время это направление успешно развивается.

С 1946 по 2008 гг. Институтом археологии РАН на разведки и раскопки в Татарстане выдано 890 ОЛ. До начала 90-х годов идет плавный рост количества исследований. Это время и бюджетного, и хоздоговорного финансирования археологических изысканий. После 1991 г. (распад СССР) ситуация в экономике государства ухудшается. С резким сокращением бюджетного финансирования российской науки в середине 80-х годов основной упор делается на поиски хозрасчетных источников. В 1994 г. показатели количества полевых работ по всей России падают до уровня начала 80-х годов [1, с. 85]. Такой же спад наблюдается и в татарстанской полевой археологии. Однако, поскольку с 1993 по 2003 гг. большую часть ОЛ выдавал ИИ ТАН, общее оживление полевой археологии, начавшееся в 1995 г., по данным ОПИ не фиксируется, и уровень 1990 г. для Татарстана сопоставим только с 2003 г.

Интересно посмотреть, какую часть составляют охранные исследования² в Татарстане. Выявить их специфику по данным ОПИ в настоящее время достаточно сложно. Эта информация в документах определенно отмечается лишь с середины 80-х годов, поэтому в ИПС вид охранных работ отмечен лишь там, где он прослеживается достоверно. Полная картина может быть получена только после просмотра всех научных отчетов по полевым работам, что требует особых усилий. Пока ограничимся предварительными данными. Доля всех видов охранных работ в республике не менее 40%, из них 60% – в зонах строительства ГЭС и береговой линии водохранилищ; 14% – в зонах городской застройки (прежде всего в Казани); по 4% – в зонах строительства разных объектов вне городов, а также автодорог и нефтепроводов. Об остальных 14% работ пока можно сказать только то, что они достоверно охранные, так как это отмечено в ОЛ, но без указания причин разрушения памятника.

¹ При реставрации и реконструкции архитектурного памятника необходимо выявление и исследование его фундаментов, кладок, полов археологическими методами (шурфы и раскопы).

² Аварийно-спасательные разведки и раскопки памятников, разрушаемых природными и антропогенными факторами (см. выше).

По характеру полевые работы делятся на два основных вида: раскопки и разведки. Для накопления материала по научной теме раскопки более информативны, и в этом их преимущество. Разведки же позволяют выявлять новые памятники и отслеживать их состояние, тем самым часто предотвращая их уничтожение человеческой деятельностью¹. Объективно для сохранения культурного наследия разведки более полезны. К тому же раскопки и сами по себе разрушают или уничтожают памятник (в научных отчетах сохраняется информация, в музейных хранилищах – вещественный материал). Однако анализ распределения видов работ показывает, что раскопки преобладают почти всюду [1, с. 90–93], в том числе и в Татарстане. Раскопки определенно доминируют до середины 50-х годов XX в. (в основном работы в зоне строительства Куйбышевской ГЭС). Ни о каких масштабных предварительных разведках, как это принято сейчас, не было и речи – все определялось темпами строительства. Почти все разведки этого времени проведены ИЯЛИ (Н.Ф. Калинин, А.Х. Халиков) и связаны не только с водохранилищем, но и с идеей составления археологической карты Татарстана. В следующем десятилетии очень интенсивные разведочные работы проводились именно с этой целью. С 1961 г. также началось систематическое обследование береговой линии Куйбышевского водохранилища [6, 7]. В последующие периоды раскопок больше, чем разведок, но эта разница не так велика, как во многих других регионах, что, возможно, как раз и связано с мониторингом прибрежных памятников.

В республике всегда работало множество археологов и значительное количество профильных научных, учебных и иных организаций [8], как собственно татарстанских, так и из других регионов. Количество ежегодно выезжавших в поле специалистов до конца 60-х годов не превышало десятка. С конца 70-х и до начала 90-х годов их стало в 1.5 раза больше. Во-первых, с 60-х годов по всей стране увеличивается выпуск специалистов в вузах (за счет начала преподавания археологии в пединститутах). Во-вторых, бюджетное финансирование экспедиций в так называемый «период застоя» (1965–1984 гг.) было стабильным. В-третьих, обозначилась востребованность археологов на многочисленных новостройках (в городах и вне их). Во время «перестройки» (1985–1991 гг.) всплеск активности обусловлен появлением множества новых заказчиков полевых работ из числа коммерческих организаций. Сейчас археологов работает примерно столько же, сколько и до кризиса середины 90-х годов, организаций же стало меньше: в республике практически перестали проводить экспедиции другие регионы.

В Татарстане выделяются 7 категорий организаций, подающих заявки на получение ОЛ². Эти категории (и тем более отдельные учреждения) возникали и включались в процесс полевых исследований в разное время, с течением времени менялись их роль и удельный вес в проведении исследований. Очень часто различные учреждения привлекали для полевых работ не только собственных специалистов (такая ситуация, например, типична для ИА РАН), поэтому учитывалось

¹ По результатам разведок сейчас возможны согласования по изменению строительных проектов или проведению иных охранных мероприятий.

² Учреждения РАН (АН СССР); региональные научно-исследовательские учреждения; музеи; вузы; органы охраны памятников и администрация разных уровней; реставрационные и прочие организации.

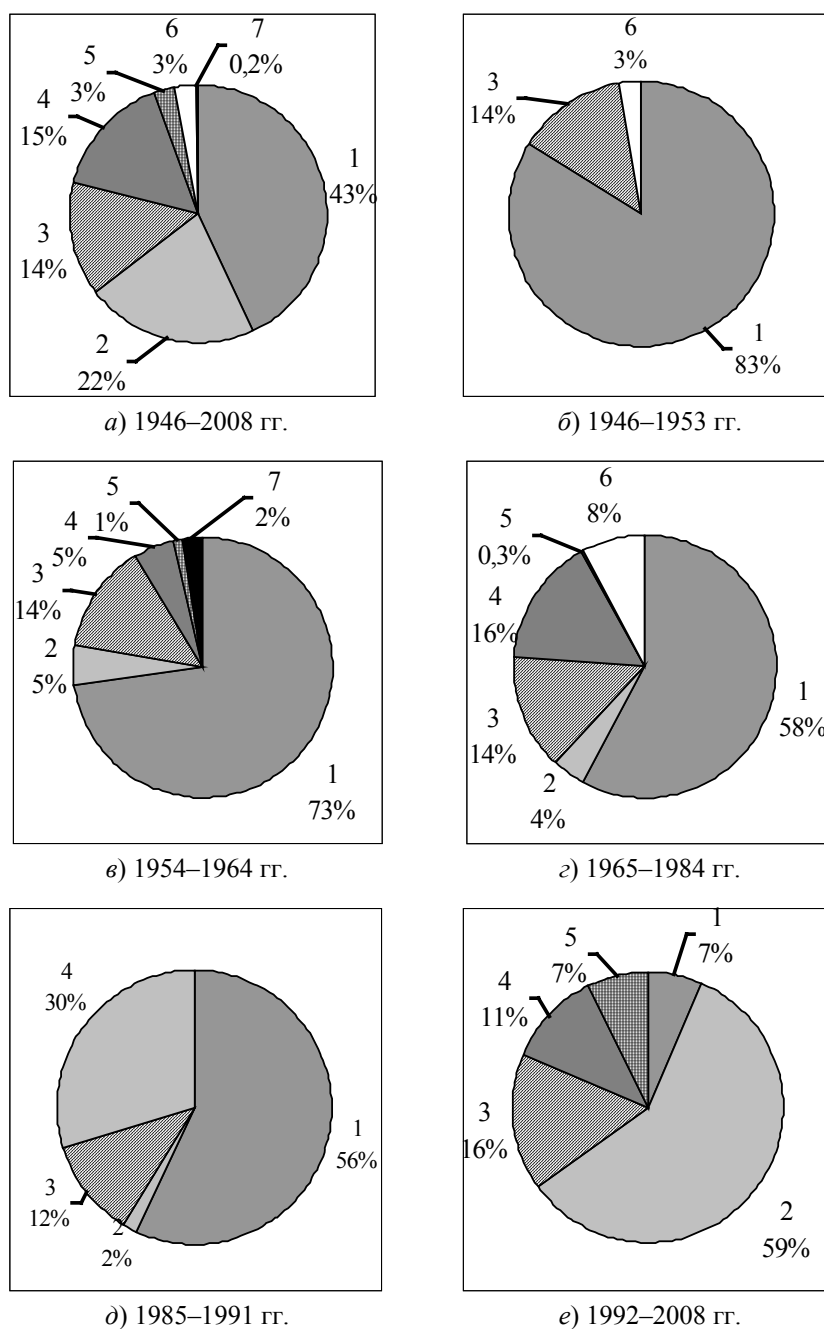

Рис. 2. Участие организаций разных категорий в полевых исследованиях Татарстана: 1 – АН СССР (РАН); 2 – региональные НИИ; 3 – музеи; 4 – вузы; 5 – органы охраны памятников и администрации; 6 – реставрационные организации; 7 – прочие организации

учреждение, получившее ОЛ на какого-либо исследователя, независимо от реального места работы последнего. Это как раз и неплохо, поскольку отражает именно организационный и научный потенциал, а не заполнение штатного расписания. Распределение работ по категориям организаций показывает следующую картину (рис. 2).

На протяжении всего послевоенного периода наибольшее количество полевых исследований в Татарстане проведено АН СССР. Постепенно ее доля сокращается. Это не значит, что стало меньше раскопок и разведок, напротив, к 1991 г. их число значительно возросло и в Татарстане, и в целом по стране. Однако одновременно росло и количество экспедиций, организованных музеями, вузами и т. д. Происходит своего рода перераспределение ролей. Наибольшая степень участия Академии в полевых исследованиях в Татарстане и по всей РСФСР [1, с. 196] наблюдается в 1946–1953 гг. Это неудивительно, поскольку центральные институты в Москве и Ленинграде тогда были более всего обеспечены кадрами и финансированием, но существенную часть работ с самого начала вел Казанский филиал АН СССР (ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова). В 1954–1964 гг. большая часть работ все так же проведена Академией, но теперь уже в основном ИЯЛИ КФ (рис. 3, в), как это будет и в дальнейшем. Им проведены планомерные разведки, итогом которых явились археологические карты и начавшийся мониторинг памятников в зоне водохранилищ. Действует до 1955 г. и Куйбышевская экспедиция ИА. В последующие годы ИА также проводит работы, но далеко не столь масштабные. После 1992 г. доля Академии сокращается всего до 7%. С 1996 г. ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова ОЛ не получает. Его место занимает региональное учреждение: Институт истории АН Татарстана им. Ш. Марджани.

Обратный процесс происходит с другой организацией. В 1988 г. НИИ при Совете министров Удмуртской АССР, проводивший раскопки и разведки в Татарстане с 1954 г., был преобразован в Удмуртский ИЯЛИ УрО РАН. Из категории региональных организаций он перешел в категорию академических и в таком качестве в Татарстане уже не работал. Помимо НИИ Удмуртии в Татарстане в первой половине 1960-х гг. вел раскопки и Чувашский НИИ. Два раза (в 1969 и 1980 гг.) получал ОЛ Марийский ИЯЛИ. До второй половины 90-х годов степень участия региональных научно-исследовательских учреждений невысока – не более 5% всех работ. Ситуация, естественно, меняется после образования ИИ ТАН, принявшего на себя основную нагрузку по развитию полевой археологии республики на современном этапе.

Музеи, как центральные (ГИМ, ГЭ), так и региональные (Татарстан и иные регионы Поволжья), работают в республике с начала 1950-х гг. Степень участия их все время примерно одинаковая (в среднем 14% всех работ). А вот доля вузов, напротив, существенно меняется. Они начинают получать ОЛ с 1954 г. (МГУ). В 1958 г. получил первый ОЛ Казанский ГУ (В.Ф. Генинг). В дальнейшем активнейшее участие в изучении памятников Татарстана приняли университеты и педагогические вузы Башкортостана, Чувашии, Марий Эл, Самары, Екатеринбурга, Ульяновска и особенно Удмуртский университет. Пик активности – период «перестройки» (1985–1991 гг.), когда бюджетные средства уже не обеспечивают полевую практику студентов и по всей России вузы начинают искать хоздоговорное финансирование. После 1992 г. работы в Татарстане вузов иных регионов практически прекращаются.

Участие органов охраны памятников и региональной администрации для Татарстана в отличие от многих других регионов невелико. Да и сами эти органы появились сравнительно поздно, после принятия охранного законодательства

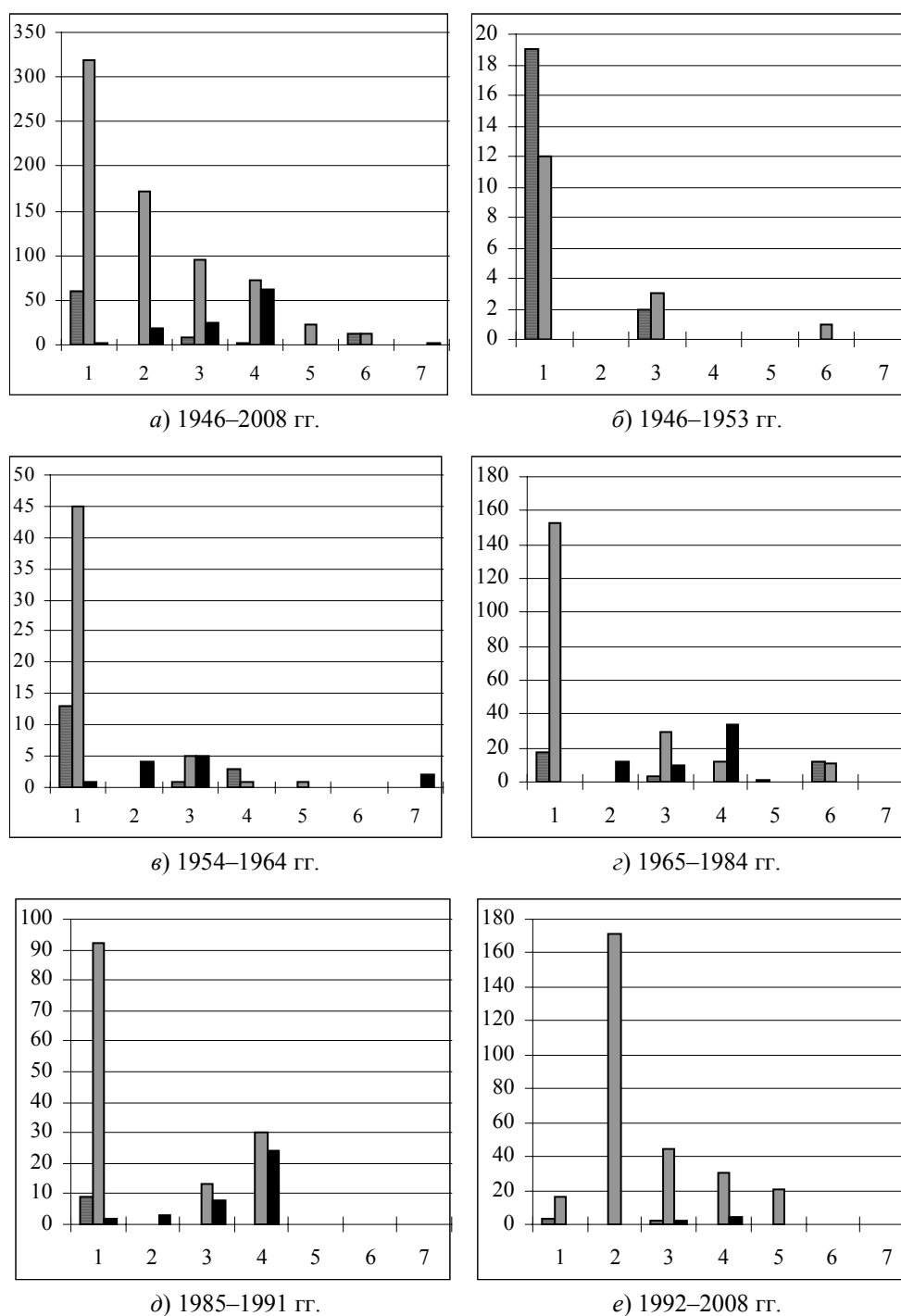

Рис. 3. Участие организаций разных регионов в полевых исследованиях Татарстана: 1 – АН СССР (РАН); 2 – региональные НИИ; 3 – музеи; 4 – вузы; 5 – органы охраны памятников и администрации; 6 – реставрационные организации; 7 – прочие организации. ▨ – Москва, ▩ – Татарстан, ■ – другие регионы

в 1976 г. (СССР) и 1978 г. (РСФСР). До этого их функции выполняли частично государственные учреждения (управления и отделы культуры исполкомов), частично – общественные (ВООПИиК)¹. Только после распада СССР и укрепления самостоятельности субъектов РФ присутствие этой категории учреждений в полевой археологии Татарстана становится значимым. До этого лишь несколько ОЛ получал научно-методический совет по охране памятников Куйбышевского района Татарстана и аналогичная институция при Министерстве культуры СССР.

Археологические исследования, связанные с реставрацией памятников архитектуры, как уже упоминалось, начались в 1953 г. В 1954–1964 гг. реставрационные организации ОЛ не получали. В следующий период (1965–1984 гг.) их доля весьма значительна, причем связано это не только с памятниками Казани, но и с работами в Свияжске². В 1985–1991 гг. учреждения этой категории также не получали ОЛ. По времени с 1992 г. данных, к сожалению, нет.

Интересна категория «прочие организации»: РОНО, школы, туристические станции и т. д. В них обычно работают краеведы³. Привлечение их к исследованию памятников археологии в послевоенный период отчасти решало проблему нехватки профессиональных кадров. В Татарстане эта категория представлена лишь в 1954–1964 гг. работами А.П. Шокурова (школа с. Кушнаренково, Башкирская АССР).

В Поволжье и Приуралье наблюдается характерная особенность: видна не только активность различных категорий организаций, но, что особенно интересно, постоянная интеграция с другими регионами. Археологи многих учреждений работают далеко за пределами своего региона. Максимальную активность за все время с 1946 по 2008 гг. проявили Татарстан и Самарская область. Учреждения Татарстана получили ОЛ на 16 регионов, не всегда даже и сопредельных. Это шестая часть их полевых работ (правда, с 2007 г. археологи Татарстана работают за редким исключением только «у себя»). Из всех «зарубежных» работ больше всего исследований состоялось в Ульяновской области – 25%. Далее по убыванию: Саратовская область – 16%, Республика Марий Эл – 15%, Пензенская область – 12%, Самарская область – 8%, Республика Чувашия – 7%. Количество работ в других регионах колеблется от 3% до 1%. Не только археологи Татарстана всегда проявляли внешнюю активность, но и в самой республике работали организации 10 других регионов.

На рубеже 40–50-х годов прошлого столетия профессиональных археологов было очень мало. Учреждения Москвы и Ленинграда вынуждены были обеспечивать кадрами многие работы на местах, особенно когда потребовались усилия на новостройках, но подключались и регионалы (рис. 3, а)⁴. В Татарстане традиционно работал московский ИА. ЛОИА в этот период получило всего 2 ОЛ (работы ГЭ в составе Куйбышевской экспедиции). В следующий период ини-

¹ Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (создано в 1965 г.).

² «Спецпроектреставрация», г. Москва.

³ Иногда так начинали свой путь в науку профессиональные археологи после распределения в вузах.

⁴ В Татарстане ОЛ в это время получают Н.Ф. Калинин (с 1946 г.), А.М. Ефимова (с 1950 г.), А.Х. Халиков (с 1953 г.), О.С. Хованская (1953 г.).

циатива полностью переходит к учреждениям Татарстана¹. Сейчас участие других регионов сократилось до минимума, что вполне естественно, поскольку республика полностью обеспечена археологическими кадрами (рис. 3, д).

В кратком обзоре рассмотреть все аспекты полевой археологии Татарстана невозможно. Спектр их велик. Можно только обозначить основные черты как формирования регионального центра полевой археологии, так и его последующей активности:

1) наличие собственного академического учреждения (ИЯЛИ АН СССР – ИИ ТАН);

2) сотрудничество с ИА и учреждениями других регионов в работах на строительстве ГЭС;

3) организация своими силами сплошного обследования для составления археологической карты республики;

4) постоянная охранная деятельность в зоне водохранилищ;

5) хорошая обеспеченность региональными кадрами.

Полный анализ всех аспектов полевой археологии Татарстана возможен лишь в результате просмотра как архивных документов в ИИ ТАН и других учреждениях Татарстана, так и всех отчетов по региону, находящихся в научно-отраслевом архиве ИА РАН. Последних около 800, пересмотреть все в обозримое время практически нереально. В дальнейшем, мы надеемся, такая работа произойдет, возможно, параллельно с созданием предусмотренного законодательством единого государственного реестра памятников археологии. Однако на это понадобятся силы многих исследователей.

Summary

I.A. Sorokina. Field Archaeology of Tatarstan in 1946–2008.

The article presents the statistic analysis of some data characterizing the condition of field archaeology in Tatarstan in 1946–2008. The research was carried out with the help of computer information system “@Archaeology” installed at the Field Archeology Department (Institute of Archaeology, Moscow). Conclusions are made about the structure and the development of field investigations and the routs of formation of regional field archaeological center in Tatarstan.

Key words: field archaeology, license, computer information system, data statistic analysis, regional organizations, regional center, monitoring of archaeological sites.

Литература

1. *Сорокина И.А.* Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). – Тула: Гриф и К., 2008. – 244 с.
2. Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. – М., 1981. – 210 с.
3. Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР: 1919–1956 гг. – М.: АН СССР, 1962. – 263 с.

¹ Помимо перечисленных выше археологов ОЛ в этот период получают: Р.С. Габяшев, В.Ф. Генинг, Г.Р. Ишмуратова, Е.П. Казаков, П.Н. Старостин, Р.Г. Фахрутдинов, Е.А. Халикова, Т.Н. Хлебникова, Г.В. Юсупов.

4. *Обыденнова Г.Т.* Очерк истории Урало-Поволжской археологии первой половины XX столетия. – Уфа: БГПУ, 2002. – 103 с.
5. *Мельникова О.М.* Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.). – Ижевск: УдГУ, 2003. – 182 с.
6. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. – М., 1985. – 116 с.
7. Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. – М., 1986. – 110 с.
8. Археологи Волго-Уральского региона. – Уфа: Гилем, 2002. – 95 с.

Поступила в редакцию
14.12.09

Сорокина Ирина Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий музейной группой Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: iasorokina@yandex.ru